

Леонид Шлангман

**Легенда
о Святом
Истукане
и другие
истории**

Кто-нибудь!
Остановите кровь!

Леонид Шлангман

**Легенда о Святом
Истукане и другие истории**

«Издательские решения»

Шлангман Л. А.

Легенда о Святом Истукане и другие истории / Л. А. Шлангман —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740693-6

Титульное произведение — фантазия на тему происхождения праздника Дня Святого Валентина, отмечаемого ежегодно католическим миром 14 февраля. Это — история любви, раскаяния и самопожертвования в декорациях Римской Империи. В авторский сборник также вошли несколько стихотворений, шуток, иллюстраций и коротких историй разных жанров.

ISBN 978-5-44-740693-6

© Шлангман Л. А.
© Издательские решения

Содержание

Легенда о Святом Истукане	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

**Легенда о Святом
Истукане и другие истории
Леонид Александрович Шлангман**

© Леонид Александрович Шлангман, 2016

ISBN 978-5-4474-0693-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Легенда о Святом Истукане

Друзьям...

Это случилось давным-давно в сокрытом для нас историческом прошлом...

В Риме, настолько Древнем, насколько нам позволено его таковым считать, жил молодой врач по имени Валентин. Жил он себе, здравствовал, в меру своих знаний и умений врачевал, имел умеренные политические взгляды, восхвалял Цезаря трижды перед сном и дважды после обеда, в общем, ничем не отличался от доброй сотни других таких же законопослушных римлян. И так бы и жил он, и занимался бы любимым делом, если бы не произошло то, что произошло. А произошло следующее...

В одну из тёмных непроглядных ночей спящему лекарю послышался стук в дверь его неприглядного каменного жилища. Вскочив с постели, которая представляла собой примятую с боков охапку добротного римского сена, Валентин подбежал к двери. Посмотрев сквозь щель между креплениями дверь держащими и не увидев ничего кроме полнейшего мрака, лекарь, приоткрыв дверь ровно на ребро ладони, просунул в образовавшееся отверстие руку. Упёршись предварительно вытянутым указательным пальцем оказавшейся снаружи руки в нечто неровное, холодное и жёсткое, Валентин отёрнул руку, захлопнул дверь и, заикаясь, спросил:

– Кт-то там?

– Принцип¹ Десятого Имперского Легиона Квинт Цецилий Целиал, откройте дверь, иначе я вынесу её во имя Марса!

– Д-да, да, конечно, сейчас, я только накину свои выходные одеяния, чтобы принять тебя как полагает, пресветлый сын Цецилия.

«Что же делать? – нервно почёсывая свои вмиг поседевшие волосы, думал Валентин. – Откуда взялся этот легионер, и чего ему от меня надо?»

Сосредоточившись на главном, а именно на единственно правильной мысли, пришедшей ему в голову о том, что надо сохранять спокойствие, и, глядишь, боги уберегут его от неприятностей, Валентин покрепче подвязал поясом из мягкой ткани свою спальную тунику и открыл дверь.

Сквозь открытый дверной проём на порог унылого жилища лекаря взошёл человек, облачённый в бронзовый шлем, кольчугу и калиги, чей скрип подбитых гвоздями подошв при ходьбе, нарушал мирскую тишину уединённого обиталища. В левой руке вошедшего был щит, а правая рука покоилась на рукояти гладиуса, сокрытого в ножнах, что уже было достаточно благоприятным знаком для Валентина.

«Нечасто увидишь живьём принципа, вот так вот, да ещё и у себя дома... Хорошо хоть, что без пилума² явился, да и меч в ножнах...» – подумал Валентин, внимательно осматривая мощную фигуру незваного гостя.

– Ave atque vale!³ – вошедший человек приложил правую руку, сжатую в кулак, к груди в знак приветствия и замер, глядя в глаза Валентину.

– Ave atque vale! – вторил ему лекарь, замерший в аналогичной позе.

Спустя какое-то время, казалось бы, непрерывных взглядов глаза в глаза, Валентин сдался, опустив руку от груди вниз, и затем сделав великодушный жест, приглашающий к более удобному размещению гостя, в сторону стола, стоящего посреди комнаты:

¹ Принципы – в армии Древнего Рима – воины второй линии тяжёлой пехоты римского легиона в IV – II вв. до н. э. Состояли из мужчин в возрасте до 40 лет, уже побывавших в боях.

² Пилум – метательное орудие, состоявшее на вооружении легионов Древнего Рима.

³ (лат.) Живи и здравствуй!

– Прошу, тебя, сын Цецилия, тебе рады в этом доме, не стоит стоять на пороге.

– Благодарю, – легионер учтиво поклонился и, опустив руку на рукоять гладиуса, мерно покачивающегося в ножнах на обязательном для состоящего на действительной службе воина ремне, остался стоять на месте.

Не обращая внимания на нерешительного, как ему показалось, гостя, лекарь приблизился к стоящей на полу подле стола двадцатилитровой амфоре, наполненной больше чем на половину разбавленным по всем канонам существовавшей в Риме культуры питья вином. Посмотрев по сторонам и отыскав два пустых в меру чистых кубка, он взял один и зачерпнул им мутноватой жидкости, наполнив сосуд до краёв, после чего поставил его на стол, мельком взглянув на легионера, продолжавшего стоять на месте.

– Не изволит ли храбрый принцип устроиться так, как того полагает его право высокого гостя? – обратился Валентин к легионеру, начиная наполнять второй кубок, – Или кубок вина, выпитый с человеком невоенной профессии оскорбителен для твоего достопочтенного рода?

– Нет, – односложно ответил принцип, произведя боевую выправку, подняв спустившийся чуть ниже положенного уровня щит на место. После чего, глядя немного вверх прямо перед собой, он продолжил:

– Мой любезный друг, не считай себя недостойным моего внимания. Причина моей невежливости вовсе не в том, что я – воин, а ты – нет, а в том, – покосившись в сторону лекаря, Квинт Цецилий сделал многозначительную паузу, – что я – не один.

Чего-чего, а уж такого поворота событий Валентин ну никак не ожидал. От неожиданности руки его задрожали, и вино мелким дождём принялось орошать несуществующие побеги на полу его жилища.

«Что же это? Посреди ночи ко мне буквально под угрозой смерти вламывается действующий имперский легионер, да ещё и не один! Кого ещё с ним ниспослали мне боги? Неужели целую центурию таких же как он, а может быть две? Целых две центурии! Но две центурии – это уже манипула⁴, а манипула – это ж сколько? – тревожно покусывая нижнюю губу, лекарь думал, прикидывая в уме состав численности виденных им ранее легионов. – В лучшем случае голов шестьдесят-восемьдесят, в худшем – около ста двадцати! Столько вина у меня даже в скрытых запасах нет... А если они разольются, а если они начнут крушить всё вокруг? А что, если они дорвутся до чудодейственных трав, затмевающих любой недуг своей несокрушимой силой? А может, они все пришли за мной? Может, их послал Публий Корнеллий, чтобы они содрали с меня шкуру за некачественный товар, что я ему всучил в момент нашей последней встречи... Но почему же они не нападают? Наверное, этот нерешительный муж всего лишь разведчик. Может, поэтому в его руках нет пилума, может в его обязанности вовсе не входит меня убивать? Неужели они решили, что я настолько силён, что могу справиться с целой манипулой Имперского Легиона? Что задумали эти воины, поглотить их разрушительный огонь Вулкана⁵!»

В то время как обеспокоенный происходящим Валентин размышлял на тему, кто пришёл с принципом и что ему, бедному лекарю, теперь делать, Квинт Цецилий повернулся к двери, открыл её и произнёс, глядя в ночную пустоту:

– Можно заходить.

Завидев в действиях принципа самый злой умысел, который только можно было себе представить, Валентин отбросил кубок с частично расплескавшимся вином в сторону и встал на колени, сложив руки в христианском молебном жесте:

– Пощади, почтенный гражданин Рима! – закричал он, глядя на безмолвного принципа, от чего-то сменившего выражение лица с полного беспристрастия на безмерное удивление.

⁴ Манипула – основное тактическое подразделение легиона, каждое из которых первоначально делилось на 2 центурии.

⁵ Вулкан, бог огня и покровитель кузнечного ремесла в древнеримской мифологии.

Ещё большее удивление образовалось на лице самого просящего о пощаде, когда сквозь дверной проём буквально просочилась хрупкая фигурка закутанной в паллу⁶ римлянки, прижавшейся к телу принцепса и с какой-то подозрительной надеждой во взгляде смотревшей на всё ещё стоящего на коленях лекаря.

– Что ты делаешь, мой друг? – недоумённо спросил Квинт Цецилий. – Почему ты молишь меня о пощаде? Разве могу я обидеть человека, впустившего меня на порог дома своего в столь поздний час? Я – сын Римской Империи и своего высокочтимого отца говорю тебе, что пришёл не ради убийства или иного злодеяния! Подымись с колен, и выпьем по кубку в знак взаимопонимания!

Вскочив с колен, Валентин принялся судорожно лепетать:

– Прости меня, Квинт, за то, что усомнился в чести Имперского Легионера. Славься, мощь Римской империи! Ave Caesar! – лекарь придвинул кулак правой руки к своей груди, а затем выкинул её вперёд и вверх, раскрыв ладонь.

– Ave Caesar! – громогласно повторил принцип и сделал тот же жест, что и Валентин.

Подняв брошенный им ранее кубок, теперь уже по воле злого рока почти пустой, Валентин во второй раз наполнил его вином и поставил на стол. Квинт одобрительно кивнул и подошёл к столу, протянул руку к одному из кубков и, взяв его, придвинул ближе к себе.

Валентин всё ещё с некоторым беспокойством смотрел на легионера и на его спутницу, ибо ощущение какой-то скрытой от его ушей недосказанности всё ещё витало в воздухе. И, как это, видимо было угодно богам, беспокойство беспричинным не было.

На глазах у изумлённого Валентина Квинт Цецилий схватил второй из кубков и передал его своей спутнице, так же подошедшей к столу, после чего, взглянув на застывшего в изумлении лекаря, спросил:

– Отчего же ты не наполняешь кубок и для себя, святой отец?

Валентин поначалу даже и не понял, что действительно смутило его в этой щекотливой ситуации. Воспитанный в лучших традициях своих давно усопших предков, он и помыслить не мог, что благородный гражданин посмеет одобрить поглощение женщиной вина наравне с мужчинами, тем более за одним с ними столом. Это просто не укладывалось в голове добропорядочного лекаря.

«Дожили! Сейчас они меняют полностью устои гражданского общества, а завтра... Что будет завтра? Куда катится Рим?» – думал Валентин, нагнувшись за третьим кубком, стоящим на полу.

В процессе наполнения кубка вином лекаря внезапно прошиб озноб. Он снова и снова воспроизводил в памяти услышанную от легионера фразу и одна её малая часть, отчаянно врезавшаяся в разум бедного Валентина, не давала ему покоя. «Святой отец... – думал он. – Святой отец... Он назвал меня святым отцом... Почему? Неужели я так похож на этих христианских священников? Неужели я настолько стар и неповоротлив, чтобы меня таковым считали?» – кубок был наполнен, и лекарь повернулся к гостям.

– Святой отец! За нас, граждан Рима! – Квинт вскинул кубок высоко над головой и приложил его к губам, делая звучные большие глотки разгоняющего кровь напитка.

– За нас! – крикнул Валентин и сделал пару глотков.

Спутница легионера к вину не притронулась.

«Хвала богам! Она не пьёт!» – радостно подумал Валентин.

– Святой отец... – начал говорить Квинт.

– Я прошу простить меня, принцип, но я не понимаю, почему ты называешь меня святым отцом... Я – лекарь, я пользуюсь травяными растворами, дабы подавлять волю различных хворей, что ныне в избытке витают по улицам нашей Империи... – Валентин вздрогнул, уви-

⁶ Палла – женское одеяние римлян, длинная широкая шаль, в которую можно совершенно закутаться.

дев устремлённый в него сверлящий взгляд легионера, но продолжил. – Если вам нужен священник, то, боюсь, вы не найдёте ни одного из этих христианских служителей, во всей округе. Здесь им никогда не были рады...

– Значит ты, мой седовласый друг, впусивший на порог совершенно не знакомых людей, и вставший перед ними на колени, в молебном жесте сомкнув свои персты, и угостивший их добротным многолетней выдержки вином, утверждаешь, что являешься обычным лекарем? Что ж, я всё понимаю... Причём гораздо больше, чем кто-либо другой на моём месте... Ведь, если бы Император не издал свой указ о запрете ритуала скрепления воинов узами брака с любимыми ими женщинами, то не пришёл бы я к тебе с дочерью почтенного Юлия Красса, любовью всей моей жизни, Ливией, и не просил бы нас обвенчать...

Валентину внезапно стало дурно. Он опёрся руками о стол, склонился над ним и увидел своё отражение в кубке с вином.

«Я действительно бел...» – подумал он и, не осмелившись поднять глаза на говорящего, слушал его, внимая каждому слову.

– Мы не раскроем твою тайну, святой отец, слово принципа Десятого Легиона! Обвенчай нас по всем правилам вашего христианского обычая, и я никогда не забуду твоего славного имени, назвав сына своего в твою честь! – Квинт поднял кубок и осушил его за раз, после чего сделал очень задумчивое выражение лица. – Хм... А как твоё имя, святой отец?

– А? – переспросил лекарь, прекрасно слыша вопрос. – Валентин...

«Надо что-то делать, – думал он, перебирая в голове все возможные варианты. – Можно настаивать на своей непричастности к христианскому культу, но вряд ли это поможет, этот юнец мнит себя всезнающим богом, что за вздор? Если я встал на колени и просил о пощаде, это ещё ничего не значит и не объясняет! И когда я успел поседеть?! Безумная, безумная, безумная ночь! Если я увижу сегодня лучи восходящего солнца, то я впервые после своего рождения буду чувствовать себя по-настоящему живым!»

Пока Валентин предавался спешным размышлениям о своей незавидной судьбе, Квинт о чём-то шептался со спутницей.

«Ладно... А что, если я проведу церемонию заключения брака, после чего выпровожу их из дома и заживу своей спокойной обыденной жизнью? Учитывая то, что они не могут отличить священника от лекаря, а лекаря от священника, то они разбираются в христианстве не больше меня, значит я, не зная всей процедуры совершения обряда, смогу просто признать их мужем и женой и отпустить на добром слове восвояси... Да, так и надо сделать!» – Валентин посмотрел на гостей и произнёс вслух:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.